греко-католической иерархии относительно еврейских погромов во Львове в 1941 г. и украинско-польской резни на Волыни в 1943 г., организованных ОУН. Такое молчание можно было бы объяснить концептуальной слабостью и тенденциозностью работы, но утверждать это однозначно мы не можем, так как эти события выходят за временные рамки, поставленные самими исследователями.

Рассматриваемое исследование представляет значительную ценность не только в силу проведенного авторами анализа. Оно способствует пониманию тех концепций, на которые опираются исследователи из Украинского католического университета во Львове: авторы исходили из христианских, гуманистических и демократических принципов оценки общественно-политической истории.

А. Вишиванюк

Шевченко Т. И. Валаамский монастырь и становление Финляндской православной церкви (1917–1957). М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. — 500 с.

На базе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета подготовлен ряд исследований, посвященных различным аспектам истории Русской православной церкви в XX в[1]. Одним из важных направлений внимания исследователей ПСТГУ является история русского православия, вынужденно оказавшегося за границами российского государства в период катаклизмов XX столетия. Монография Татьяны Ивановны Шевченко, посвященная истории Валаамского монастыря и Финляндской православной церкви в первой половине XX века, вполне вписывается в это традиционное для ПСТГУ направление исследований.

В исследовании самый ценный пласт источников составляют материалы архива Валаамского монастыря, которые показывают всю сложность и многоплановость жизни мо-

1. *Баконина С. Н.* Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг.: На материалах Харбинской епархии. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014; Законодательство Русской православной церкви Заграницей: (1921–2007)/Сост. Д. П. Анашкин. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014; *Ефимов Е. Б.* Алеутская и Северо-Американская епархия при святителе Тихоне. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012; *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.

настыря в межвоенный период. Вводимые в научный оборот Т. И. Шевченко дневники, письма, воспоминания руководителей монастыря и насельников, в первую очередь игуменов Харитона (Дунаева) и Нестора (Киселенкова), представителя старостильников монаха Иувиана (Красноперова) содержат уникальные свидетельства о жизни и взаимоотношениях в среде русского православного монашества, оказавшегося на территории независимой Финляндии, на протяжении XX столетия. Автор удачно дополняет свое исследование материалами из государственного архива Карелии и ГАРФа, где в фонде архива Совета по делам РПЦ содержится массив документов по Финляндской православной церкви (ФПЦ), собранный в ходе подготовки перевода ФПЦ в юрисдикцию РПЦ во второй половине 1940-х гг. Исследование построено по хронологическому принципу, нижняя граница обусловлена появлением независимого финляндского государства (1917 г.) и изменением статуса православных структур на этой территории, верхняя — отказом Московской патриархии от своих прав на Финляндскую церковь (1957 г.).

В силу того что в основу монографии положено диссертационное исследование, в первой главе дается классический обзор источников и историографии по теме исследования.

Вторая глава посвящена специфике положения Православной церкви в Финляндии к моменту образования независимого государства. Уникальность финляндского проекта в рамках Российской империи и специфика развития православия в стране, обусловленная сильным влиянием лютеранской традиции, привели к нестандартной ситуации еще в период империи и активно дискутировались в ходе обсуждения общегосударственных и церковных реформ в начале XX в. Уже тогда влияние лютеранских норм воспринималось некоторыми представителями православия как угроза для православной идентичности, с другой стороны, принципиальные успехи в вопросе участия прихожан в жизни православного прихода в Финляндии, правовая определенность и общественная значимость приходского священника предлагались некоторыми церковно-общественными активистами в качестве модели для всей империи[2]. Для понимания контекста истории финляндского православия необходимо понимать, что Финляндия имела уникальный в Российской империи статус: собственную государственность, язык и идеи национальной идентичности, сформулированные финской ин-

2. См. об этом подробнее в статье А. Беглова в этом выпуске журнала.

теллигенцией уже к середине XIX столетия.

К 1917 г. в Финляндии числились 40 приходских священников и 12 диаконов, 58 тыс. православных прихожан и 29 приходов, из которых 14 были карельскими, а остальные городскими, где значительную часть составляли русские (с. 99, 104). На момент распада империи в Финляндии существовали сильно развитые приходы, в которых большую административную и хозяйственную роль играло белое приходское духовенство при относительной слабости епархиальной власти, притом что приход был инкорпорирован в административную структуру региона. Автор исследования подчеркивает, что в Великом княжестве Финляндском существовало два направления епархиальной жизни — финляндское и русское, границы которых к 1917 г. окончательно оформились, и победила национальная ориентация финского направления.

В третьей главе анализируется организационно-нормативное устройство Православной церкви Финляндии и Валаамского монастыря в контексте изменения политического устройства Финляндии и России. Валаамский монастырь, в котором проживало 426 насельников, оказался втянутым в политические перипетии — здесь появились среди насельников сторонники радикального реформирования, желающие произвести переворот в обители; позднее некоторые монахи, получившие прозвище «николаевцы» по имени Вел. кн. Николая Николаевича, поддерживали право-монархические эмигрантские организации, что вызывало настороженность финских властей. Монастырская братия оказывается в новых условиях перед сложными вызовами современности, ответы на которые в рамках православной традиции не были однозначными. Кроме упоминавшегося выше имперско-монархического вопроса, следующим встал вопрос о принятии финляндского гражданства, затем — об отношении с правящими архиереями и о смене церковной юрисдикции — переходе в качестве автономной структуры во Вселенский патриархат (1923 г.). Негативное отношение у ряда насельников, активно поддерживаемых митр. Антонием (Храповицким), стремившемся подчинить себе ФПЦ, вызывал и первый финский архиерей — Герман (Аав), которому до конца жизни не могли простить его внешний вид — «в мирском одеянии, подбритый и подстриженный». В этой главе подробно излагаются политический и церковный контексты перехода Финляндской церкви под юрисдикцию Вселенского патриархата, переписка с церковными иерархами и канонистами по этому вопросу.

В четвертой главе описывается развитие конфликта внутри православного монашеского сообщества Финляндии по вопросу о календарной реформе. Дело в том, что еще в составе Российской империи Финляндия жила по григорианскому календарю и лютеранские праздники были государственными. Потребность в календарной реформе осознавалась в православной приходской среде и в общем поддерживалась епархиальным начальством в маленькой стране, где жившие рядом лютеране и православные вынуждены были существовать по разным календарям; и если существование юлианского календаря в православной жизни оправдывалось тем, что по нему жила вся Российская империя, то с ее падением и переходом новых государств на григорианский календарь смысл использовать юлианский терялся. Интересно, что в среде русских православных иерархов не было четкой позиции по вопросу о календаре, и переход на новый календарь ряда других поместных православных церквей давал основания для такого прецедента. Календарная реформа смыкалась с вопросом о пасхалии, и с 1923 г. в Финляндской церкви была введена исправленная пасхалия.

Если календарная реформа была легко осуществлена на практике в приходах, то она же вызвала бурные споры и раскол внутри насельников Валаамского монастыря. Как убедительно показывает исследование Шевченко, этот конфликт не был «календарным» в чистом виде, а включал в себя целый комплекс сюжетов — отношение к старой России, империи, финляндской государственности, реформам в православии и т. д. — и сопровождался конфликтом с правящим архиереем, игуменом. С 1925 г. в обители складывается невозможное с точки зрения церковной экклесиологии положение, когда братия монастыря «обедать сходились вместе, а Богу молились врозь», — положение, затянувшееся на несколько десятилетий.

В пятой главе излагается история Валаамского монастыря в период Второй мировой войны и перипетии взаимоотношений с Русской православной церковью, стремившейся сразу после войны включить в свою юрисдикцию Финляндскую православную церковь, а затем в силу изменившихся политических обстоятельств отказавшейся от этой концепции и признавшей в 1957 г. *status quo* ее вхождение в состав Константинопольского патриархата. Очевидно, что в этот период церковно-канонические вопросы находились на задворках по сравнению с политической целесообразностью. Так был осуществлен перевод на-

сельников Валаамского монастыря, совершенный в Москве через чин покаяния игуменом Харитоном, в юрисдикцию Московского патриархата, и перевод этот сопровождался запретом на евхаристическое общение с ФПЦ. Перевод Валаамского монастыря под юрисдикцию РПЦ (а принятие через покаяние показывало жесткое неприятие Московской патриархией межвоенного периода жизни Финляндской церкви) показывал дальнейшие намерения руководства РПЦ, в случае воссоединения, полностью уничтожить специфические черты организации православной жизни в Финляндии (с. 281).

После признания в 1957 г. законности вхождения ФПЦ в Константинопольский патриархат монахам было сообщено, что Валаамский монастырь теперь должен не только в административном, но и в «молитвенно-каноническом» отношении подчиниться ФПЦ. Особенно любящим Русскую церковь монахам было предложено перебраться в СССР. Заканчивается монография грустной историей естественного вымирания русского монашества на Валааме, базировавшегося на русской крестьянской, мужицкой, по замечанию прот. Александра Шмемана, традиции. Попытка ее консервации или реставрации стареющими насельниками выглядела для посетившего монастырь в 1975 г. А. Шмемана уже достаточно искусственной.

Монография Шевченко вводит в научный оборот уникальные по характеру источники. Автор смог собрать и максимально беспристрастно изложить историю Валаамского монастыря в сложный период, насыщенный множеством проблемных и тесно переплетающихся сюжетов — церковно-правовых, церковно-дисциплинарных, канонических, политических, национальных. Это исследование вполне вписывается в закон жанра, сложившийся в последние два десятилетия в России в сфере исследований по истории Церкви, которые можно обозначить как конфессиональные, и обладает как достоинствами, так и принципиальными недостатками этого жанра.

Почему же, собственно, появилась идея поместить рецензию на исследование по конфессиональной истории в тематическом выпуске журнала, посвященном изучению роли религии в конструктах национальной идентичности, возникавших в странах Восточной Европы в XX в.? Дело в том, что исследование Шевченко, не заявляя и не артикулируя эти сюжеты, содержит уникальный материал как раз по этой тематике. В работе достаточно подробно излагаются позиции различных кругов православного населения,

в первую очередь русскоязычного, оказавшегося после распада Империи за ее пределами, что неизбежно обращает нас к размышлениям на тему о специфике русского национального самосознания и русского отношения к православию. Как подчеркивали многие западные исследователи, в Российской империи русские, будучи титульной нацией, не прошли полноценные фазы формирования национального самосознания[3] и после ее распада оказались, с одной стороны, лишенными собственной государственности, с другой — «виновными» в притеснении национальной самобытности других народов империи[4]. Русские, оказавшиеся на бывших окраинах распавшейся Империи в ситуации меньшинства, оказываются перед необходимостью форсированно моделировать собственную идентичность. Православная русскоязычная среда политизируется в Финляндии из-за обилия беженцев из Советской России, представителей самых разных политических убеждений. Так, вокруг архиеп. Серафима (Лукьянова) сложился мощный монархический кружок, связанный с родственниками царской семьи, что послужило основанием для отстранения финляндским правительством архиеп. Серафима с сохранением ему финляндского гражданства и предложением пожизненной пенсии. У организаторов русского военно-монархического направления, называемого еще «николаевцами», были тесные связи с теми монашествующими на Валааме, которые потом составили группу старостильников. Одновременно у представителей финляндского православия сложились конфликтные отношения с идеологом РПЦЗ — Антонием (Храповицким), имевшем на Валааме даже собственную келию: в итоге ему был даже запрещен въезд в Финляндию. Валаамские старостильники, пишущие письма на родину, подчеркивают истинную православность именно русского православия, часто ставят слово русский перед православным и, отказываясь приветствовать своих единоверцев из-за разногласий по вопросу календаря, готовы

3. См. концепции фаз формирования национального самосознания у народов Восточной Европы у Мирослава Хроха: *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002.

4. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С. Червонная. М.: Традиция, 2000; Weeks, T. R. (1996) *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russufucation on the Western Frontier 1863–1914.* De kalb; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

даже приветствовать советскую власть. Рецензируемое исследование показывает всю сложность и многогранность факторов, отсутствие «чистых» линий — переплетенность национальных, церковных, политических, экономических, личных сюжетов.

В маленькой Финляндии как в капле воды отражались проблемы, раздирающие русское православие. Мы видим здесь и противостояние монашествующих и белого духовенства, конфликт между епархиальными архиереями и монастырями, желание внести политическую составляющую в церковные конфликты. Например, валаамские насельники обвиняли финское церковное управление в «живоцерковничестве», а фактически возглавлявший финское церковное управление протоиерей Солнцев доказывал, что монастыри с их русскими насельниками распространяют опасную большевистскую идеологию и только надлежащая «финификация» способна сделать их «благословением» для Финской церкви.

Из русскоязычной православной среды в адрес финских единоверцев регулярно звучали обвинения в недостаточной православности, подлинный характер которой сохранила только Русская церковь: «Все отступления от перешедших к нам обычаев Русской церкви, как, например, неношение священником рясы, их стриженые волосы и бритые бороды, ношение обручального кольца на левой руке, вопреки церковному таинству, чтение негласных молитв вслух — все это настолько не соответствует Православию...» — писал один из православных неофитов, причем из среды финнов (с. 277). Конфликт в православной среде Финляндии, возможно, стоит рассматривать и в русле вечных споров «традиционалистов» и «модернистов», идеологов «суконно-посконного» православия и, наоборот, поборников церковного универсализма.

Если рассматривать излагаемый Т. И. Шевченко сюжет о положении Валаамского монастыря в Финляндской православной церкви в глобальном плане как конфликт двух идентичностей, то в этом случае категорически не хватает материалов, позволяющих полноценно услышать позицию финляндской стороны; эта позиция, конечно, артикулируется при изложении официальных церковных и государственных документов, однако оригинальных, концептуальных текстов из этой среды очень не хватает. Собственно, вопрос о том, что же представляла собой «финляндская православная идентичность» в первой половине XX в., остается по-прежнему открытым.

Введение в научный оборот Т. И. Шевченко текстов из среды русского монашества XX столе-

тия требует, как кажется, дальнейшей концептуализации проблематики и анализа этих текстов с учетом тех смыслов, которые вкладывали в них их авторы. В поведении валаамских насельников мы видим традиционные для русской культуры формы религиозного сопротивления. Мы видим характерный жанр письменных обличений с активным привлечением эсхатологических мотивов, «подметные» письма, отказ от совместной молитвы и евхаристического общения. Судя по всему, валаамские старостильники планировали сопротивление надолго: иеросхимонах Михаил (Питкевич) тайно заготовил перед календарной смутой 10 тыс. частиц Св. Даров (с. 333). И здесь, конечно, речь шла уже о конфликте не с финским православием, а с братьями по монастырю.

На протяжении всей книги поражает острота противостояния внутри русскоязычной православной среды. Складывается впечатление, что русское православие 1920–1930-х гг., освободившись от жесткой системы государственного регламентирования Ведомством православного исповедания, превращается в среду перманентных конфликтов. Достаточно хорошо изучено противостояние между «патриаршим» и «обновленческими» течениями в СССР, однако не меньшей остротой характеризовалось и противостояние «правой» оппозиции, не говоря уже о конфликте между Православной церковью в СССР (РПЦ) и ее частями, оказавшимися вынужденно за границей (в первую очередь с РПЦЗ). Все неартикулированные, лишенные легальной площадки для обсуждения, вопросы церковной и общественной жизни, осложненные политическими катаклизмами, вырвались на поверхность, и как в капле воды мы видим отражение этих процессов в текстах, возникавших и на территории ФПЦ.

Существующий в русской культуре образ страдальцев за истинную веру, преследуемых бывшими единоверцами, пошедшими на компромисс с антихристовой государственной властью, который попытались разыграть старостильники в Валаамском монастыре, невольно сглаживался тем обстоятельством, что ни Финляндское церковное управление, ни Финляндское государство не действовали в привычной для русского сознания установке жесткого преследования инакомыслящих. Монография показывает удивительную с точки зрения российской истории конфессионально-государственных отношений и, как кажется, еще ожидающую осмысления парадигму поведения властей, которые, в ответ на жесткое сопротивление, показывают макси-

мальную гибкость и терпимость — церковное управление разрешало жить монастырю и по старому стилю, и по традиционной Пасхалии, выдало виды на жительство отказавшимся от гражданства монахам, платило им пенсию и т. п. Одновременно мы чувствуем специфику самосознания представителей финляндского православия, которые, будучи твердо укорененными в православии, не менее твердо отстаивали финляндский характер православной структуры в стране. Понятно, что стратегический расчет в отношении монастырей сводился к тому, чтобы дать спокойно умереть представителям старого русского монашества, а за Финской церковью сохранить монастырские владения.

Из анализируемой монографии мы ясно видим — и то же самое показывают и помещенные в этом выпуске журнала исследования, — что невозможно говорить о «чистых» национальных конструктах и «чистых» же религиозных составляющих в них; при этом религиозный/конфессиональный/юрисдикционный фактор постоянно присутствовал в различных общественно-политических и национальных проектах.

Н. Белякова

Rimestad, Sebastian. (2012) *The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917–1940).* Frankfurt am Main: Peter Lang. — 334 p.

История Православной церкви в Эстонии вызывает интерес у многих исследователей. Эстонский случай во многих отношениях уникален: православие стало здесь религией значительного меньшинства местного населения в середине XIX века в результате целого движения по обращению, которое было добровольным и в основном имело экономическую мотивацию[1]. В 1920-е годы Эстонская православная церковь, стремясь к автокефалии, разорвала отношения со своей российской матерью-церковью и в 1923 году вошла в каноническую юрисдикцию Вселенского (Константинопольского) патриархата. Эта перемена юрисдикции позднее при-

1. Об истории этого движения по обращению в Эстонии и в Латвии см.: *Гаврилин А. В.* Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Филокалия, 1999; Ryan, D. C. (2008) *The Tsar's Faith: Conversion, Religious Politics, and Peasant Protest in Imperial Russia's Baltic Provinces, 1845–1870s* (неопубликованная PhD диссертация. University of California LA, 2008).